

Номинация: Архиважно

Название СМИ: Forbes

Автор: Максим Артемьев, журналист

Название статьи: Четыре забытых имени: строительные гении императорской России

Ссылка на материал: <http://www.forbes.ru/forbeslife-photogallery/341569-chetyre-zabytyh-imeni-stroitelnye-genii-imperatorskoy-rossii?photo=4>

Связи, тендеры и освоение госбюджета — на Руси и в Российской империи девелопмент не сильно отличался от современного.

Герой рассказа-были Ивана Гончарова «Превратность судьбы» — бедный дворянин, оставшийся без места и голодавший. Бедняга спасся благодаря большой стройке в Питере, дававшей прокормление десяткам тысяч людей. Работы по возведению величественных зданий и памятников выполнялись вовсе не подневольным трудом крепостных, как принято считать, а вольнонаемными рабочими. В конце рассказа героя ожидает приятное известие — «вы получите... место смотрителя работ при строящемся в Москве храме Спасителя в память изгнания французов». Теперь он мог считать свою жизнь удавшейся, ибо имел «мебель, ковры, черешневые чубуки, янтари и прочее, что только могло льстить избалованному вкусу». При всем размахе строительного бизнеса о нем в России известно немного.

Василий Ермолин — первый строитель Русского государства

Одним из первых строителей, известных по имени, был Василий Ермолин, подрядчик и купец, живший в XV веке. Как пишет историк Валерий Перхавко про купцов-сурожан (торговавших с заморскими странами), «нажив капиталы за счет торговых операций в заморских странах, именитые гости... приступили к освоению еще одной области вложения капиталов — каменному строительству. Получение от московских великих князей, церковных иерархов, представителей знати подрядов на строительные работы было и выгодным, и престижным делом. Для руководства строительством подрядчику требовалось не только обеспечить артель

мастеров-каменщиков материалами, но и глубоко вникнуть в специфику их труда, иметь опыт и даже определенные навыки зодчего».

Василий Ермолин был как раз таким купцом. Он позаботился об увековечивании памяти о себе и своих строительных достижениях в летописи, известной как «Ермолинская». Между 1462 и 1472 годом он реконструировал кремлевские стены, установив на Фроловских воротах уникальную для Руси того времени скульптурную композицию Св. Георгия и Св. Димитрия (некоторые считают Ермолина ее автором), а также построил храмы в Москве, Сергиевом Посаде, Владимире, Юрьеве-Польском. Последним крупным подрядом Ермолина стала постройка Успенского собора в Кремле. Но здесь у него случился конфликт с Иваном Ховрин-Головой, его партнером по строительству. Он был сыном царского казначея и потому пользовался административным ресурсом, как бы сказали сегодня. Ермолин вышел из дела, а вскоре удалился от мирских хлопот в монастырь.

В те времена на Руси строилось в среднем по одному каменному сооружению в три года, в основном храмы. Более половины из них, по подсчетам историка Выголова, финансировались самими купцами, выступавшими в качестве и заказчиков, и ктиторов церквей, и строительных подрядчиков. Так что предприниматели уже в XV веке были самостоятельной силой в строительстве.

Успенский собор рухнул через несколько лет. Летописец отмечает, что известь оказалась «не клеевита, да и камень не тверд». Пришлось приглашать из Италии знаменитого зодчего Аристотеля Фиораванти. Вслед за ним достраивать комплекс Кремля прибыли и другие итальянцы: Алевиз Фрязин, Алевиз Новый, Пьетро Солари, Марко Руффо, познакомившие москвитов с достижениями зодчих Возрождения. В те времена архитектор выступал и в роли подрядчика, и, таким образом, итальянцы внедряли капиталистические методы в строительство. Синтезом русских и итальянских традиций стал храм Василия Блаженного, строившийся в середине XVI века только русскими мастерами.

Тогда же началось массовое возведение оборонительных сооружений, устройство засек. Это требовало координации. В 1580-е годы был создан Каменный приказ — подлинное министерство строительства. Он ведал производством и поставкой стройматериалов, вел учет мастеров, а главное, выступал как заказчик крупных сооружений. Более чем за сто лет Каменный приказ проделал эволюцию от использования «записных» мастеров (своего рода эквивалент стрельцов, приписанные к ведомству рабочие) и непосредственного управления стройками к использованию вольнонаемного труда и передаче администрирования на подряды.

Семен Вишняков: Гром-камень для Петра

После Петровских реформ в XVIII веке начался новый этап в строительстве, в первую очередь в Петербурге, архитектура которого должна была олицетворять имперское могущество. Впрочем, русские мастера могли возводить не только дворцы и храмы, но и такие необычные постройки, как знаменитый «Ледяной дом» — своего рода шедевр тонкой работы, равной которой не видела Европа.

Но чем по-настоящему смогли поразить просвещенную заграницу отечественные строители, так это транспортировкой Гром-камня в 1768–1770 годах, что было сложнейшей логистической и технической задачей. Для постаменту памятнику Петру I, ваять который пригласили француза Этьена Мориса Фальконе, требовался гранитный валун достаточных размеров. Дали объявление в печати, на которое откликнулся казенный крестьянин Семен Вишняков, занимавшийся поставками строительного камня в Петербург. Он указал на Гром-камень, находившийся в лесах под Петербургом. Ему выписали 100 рублей премии и пообещали новую в 7000 рублей тому, кто разработает технологию транспортировки этой скалы до Сенатской площади. Монолит весил 2000 т. Русские мастеровые люди смогли решить эту задачу.

Как камень в Санкт-Петербург доставляли

Первым делом гигантский валун выкопали из земли. Размер образовавшегося котлована был таков, что до сих пор на этом месте пруд. Затем глыбу очистили от наслоений, откололи два куска, уменьшив ее вес на 600 т. На подготовительных работах было занято не менее 400 человек.

Далее камень уложили на решетку, для чего создали особые домкраты, прорубили в лесу просеку до побережья длиной 8 км и шириной 40 м. Зимой, когда почва замерзла, камень поволокли кабестанами (по-русски «воротами») по своего рода деревянным рельсам, с использованием бронзовых шаров как подшипников. В день удавалось проходить несколько десятков метров.

Одновременно строили транспортное судно, способное принять на борт цельный груз в 1800 т, и разрабатывали технологию перевозки по морю на расстояние примерно 13 км, а также погрузки и выгрузки скалы (баржу просто потопили, поставив на вбитые в дно Невы сваи). Каждый этап требовал создания новой техники.

За передвижением Гром-камня наблюдал весь Петербург, включая Екатерину II, а затем и Европа. Работу выполняли вольнонаемные рабочие, солдат использовали, лишь когда требовалось сразу много рук. История сохранила имена «галерного мастера» Григория Корчбникова, главы плотницкой артели Антона Шляпкина и Семена Вишнякова, который занимался не только добычей камня, но работами по дереву. В честь этого подвига технологий, логистики и экономики Екатерина велела выбить медаль «Дерзновению подобно».

Самсон Суханов и Казанский собор

История транспортировки Гром-камня была лишь прологом к расцвету каменотесного предпринимательства, благо в окрестностях Петербурга

добывалось немало превосходного финского гранита. Многие знают имена архитекторов Воронихина и Монферрана, но кто воплощал их замыслы в жизнь? Крупнейшим подрядчиком в области каменных работ стал купец Самсон Суханов.

Он родился около 1768 года в глухой вологодской деревне. Самсон рано ушел из семьи, нанялся в матросы, плавал сперва по Волге и Двине, а затем ходил с поморами на Шпицберген бить морского зверя. Ему было за тридцать, когда он с обозом пришел в Питер, чтобы устроиться к своему шурина, подрядчику на возведении Михайловского замка. Самсон начинал как каменотес за 15 рублей в месяц, но проявил смекалку и усердие и был повышен до приказчика уже с 25 рублями. Суханов был предприимчив. Так, он брал у шурина субподряды на установку балюстрады. Тому платили по пять рублей за столбик, а Самсон делал за два. На этом он заработал первые 120 рублей (для сравнения: год плавания в северных морях принес ему 136 рублей). Даже отправляясь домой на побывку, он закупал лук, который выгодно продавал в своем краю.

Когда сухановский шурин получил заказ на поставку и установку колонн для Казанского собора, Суханов был у него уже главным управляющим с окладом 50 рублей. Вскоре тот отошел от дел, и Самсон стал главой каменотесной артели и владельцем предприятия, записавшись в купцы II гильдии. За короткое время он практически монополизировал в Санкт-Петербурге работы по граниту и пудожскому камню (вид известкового туфа). План Казанского собора представлял собой серьезный вызов самому опытному строителю. Достаточно упомянуть грандиозную колоннаду из 96 колонн, каждая высотой 13 м, выходящую на Невский, и 56 отполированных колонн внутри храма. Да и облицовка пудожским камнем стен высотой свыше 70 м — также задача не из легких.

Все это легло на плечи Самсона. Только в гранитной каменоломне у него трудились 350 человек. Чтобы не повредить материал, работали без применения пороха, ювелирно точно вырубая заготовки с помощью клиньев, а затем на баржах транспортировали их в Петербург, где шлифовали в мастерской. Одна колонна обходилась в 3000 рублей. Бюджет строительства Казанского собора составил 4,7 млн рублей. Большая часть ушла на работы,

производившиеся артелью Суханова, удостоенного золотой медали «За усердие».

Гранит Исаакия

Вторым его крупнейшим проектом стало участие в строительстве Исаакиевского собора, для которого Суханов поставил 112 гранитных колонн, каждая весом 115 т. Не преувеличивая можно сказать, что Самсон Суханов одел в гранит и камень Северную Пальмиру. Стрелка Васильевского острова с Ростральными колоннами, Биржа, Адмиралтейство, Горный корпус — он брался за все. За 40 000 рублей он оборудовал фундамент, столбы и опоры для Александровской мануфактуры. Все заказы Суханов получал на тендерах. В своем обращении к императору Николаю I он писал: «Сохраняя всегда заботу о пользе казны... через понижение цен при подрядах, доставил оной прибыли до полумиллиона рублей». Издатель Павел Свиньин отмечал: «Суханов довел способ ломания гранита до чрезвычайной простоты и легкости. Вероятно, петербургские жители не преминут воспользоваться сим важным открытием, и столица наша превратится вскорости в новые Фивы, позднее потомство будет спорить, люди или исполины создали град сей».

Суханов работал и для частных лиц. Так, заказ на Исаакиевский собор он получил от Монферрана только после того, как тот убедился в его способностях при строительстве дома Лобанова-Ростовского. Он высек также множество скульптур, и бюст Юпитера-Аммона в Строгановском дворце славился на весь Петербург.

Закат карьеры Суханова

Дело Суханова процветало, он построил себе трехэтажный дом на набережной Пряжки, его портрет писал Тропинин, но к старости он впал в нищету. Сгубили его изменения в архитектуре (классицизм с его колоннами выходил из моды) и... слишком уж низкая норма прибыли. Много лет Самсон отдал работе над «Царь-ванной» — купальней в Баболовском дворце весом 48 т, высеченной из единого куска гранита. Это был самый большой

цельнокаменный сосуд в мире — на 800 ведер воды. Но Суханов запросил от казны за работу 16 000 рублей, а она обошлась на 7000 дороже. В отсутствие других заказов эта разница стала роковой, и ему пришлось писать прошения государю о вспомоществовании, переписавшись из купца II гильдии с обязательным минимальным капиталом 20 000 рублей в мещане.

Последним проектом, где Суханову довелось консультировать, стала работа на 3 млн рублей — постройка Александрийского столпа, как называл его Пушкин. Но здесь как подрядчик его сменил купец Василий Яковлев, перекупивший в том числе гранитные карьеры Самсона. Он вырубил и доставил в Питер 400-тонный блок под основание монумента и 600-тонную колонну длиной 25 м. По условиям контракта в случае ее повреждения при транспортировке он обязан был поставить новую за свой счет. Также за свои деньги Яковлев построил причал для ее погрузки.

Для подъема колонны были сооружены леса высотой 50 м и установлено более 60 кабестанов. В качестве основания фундамента было вбито 1250 просмоленных свай (под Исаакиевский собор — почти 10 800). Эти цифры дают представление об одном только гигантском объеме плотницкой работы — сколько нужно было заготовить и обработать древесины.

Василий Ермолин — первый строитель Русского государства

Одним из первых строителей, известных по имени, был Василий Ермолин, подрядчик и купец, живший в XV веке. Как пишет историк Валерий Перхавко про купцов-сурожан (торговавших с заморскими странами), «нажив капиталы за счет торговых операций в заморских странах, именитые гости... приступили к освоению еще одной области вложения капиталов — каменному строительству. Получение от московских великих князей, церковных иерархов, представителей знати подрядов на строительные работы было и выгодным, и престижным делом. Для руководства строительством подрядчику требовалось не только обеспечить артель мастеров-каменщиков материалами, но и глубоко вникнуть в специфику их труда, иметь опыт и даже определенные навыки зодчего».

Василий Ермолин был как раз таким купцом. Он позаботился об увековечивании памяти о себе и своих строительных достижениях в летописи, известной как «Ермолинская». Между 1462 и 1472 годом он реконструировал кремлевские стены, установив на Фроловских воротах уникальную для Руси того времени скульптурную композицию Св. Георгия и Св. Димитрия (некоторые считают Ермолина ее автором), а также построил храмы в Москве, Сергиевом Посаде, Владимире, Юрьеве-Польском. Последним крупным подрядом Ермолина стала постройка Успенского собора в Кремле. Но здесь у него случился конфликт с Иваном Ховрин-Головой, его партнером по строительству. Он был сыном царского казначея и потому пользовался административным ресурсом, как бы сказали сегодня. Ермолин вышел из дела, а вскоре удалился от мирских хлопот в монастырь.

В те времена на Руси строилось в среднем по одному каменному сооружению в три года, в основном храмы. Более половины из них, по подсчетам историка Выголова, финансировались самими купцами, выступавшими в качестве и заказчиков, и ктиторов церквей, и строительных подрядчиков. Так что предприниматели уже в XV веке были самостоятельной силой в строительстве.

Успенский собор рухнул через несколько лет. Летописец отмечает, что известь оказалась «не клеевита, да и камень не тверд». Пришлось приглашать из Италии знаменитого зодчего Аристотеля Фиораванти. Вслед за ним достраивать комплекс Кремля прибыли и другие итальянцы: Алевиз Фрязин, Алевиз Новый, Пьетро Солари, Марко Руффо, познакомившие москвитов с достижениями зодчих Возрождения. В те времена архитектор выступал и в роли подрядчика, и, таким образом, итальянцы внедряли капиталистические методы в строительство. Синтезом русских и итальянских традиций стал храм Василия Блаженного, строившийся в середине XVI века только русскими мастерами.

Тогда же началось массовое возведение оборонительных сооружений, устройство засек. Это требовало координации. В 1580-е годы был создан Каменный приказ — подлинное министерство строительства. Он ведал

производством и поставкой стройматериалов, вел учет мастеров, а главное, выступал как заказчик крупных сооружений. Более чем за сто лет Каменный приказ проделал эволюцию от использования «записных» мастеров (своего рода эквивалент стрельцов, приписанные к ведомству рабочие) и непосредственного управления стройками к использованию вольнонаемного труда и передаче администрирования на подряды.

Семен Вишняков: Гром-камень для Петра

После Петровских реформ в XVIII веке начался новый этап в строительстве, в первую очередь в Петербурге, архитектура которого должна была олицетворять имперское могущество. Впрочем, русские мастера могли возводить не только дворцы и храмы, но и такие необычные постройки, как знаменитый «Ледяной дом» — своего рода шедевр тонкой работы, равной которой не видела Европа.

Но чем по-настоящему смогли поразить просвещенную за границу отечественные строители, так это транспортировкой Гром-камня в 1768–1770 годах, что было сложнейшей логистической и технической задачей. Для постаamenta памятнику Петру I, ваять который пригласили француза Этьена Мориса Фальконе, требовался гранитный валун достаточных размеров. Дали объявление в печати, на которое откликнулся казенный крестьянин Семен Вишняков, занимавшийся поставками строительного камня в Петербург. Он указал на Гром-камень, находившийся в лесах под Петербургом. Ему выписали 100 рублей премии и пообещали новую в 7000 рублей тому, кто разработает технологию транспортировки этой скалы до Сенатской площади. Монолит весил 2000 т. Русские мастеровые люди смогли решить эту задачу.

Как камень в Санкт-Петербург доставляли

Первым делом гигантский валун выкопали из земли. Размер образовавшегося котлована был таков, что до сих пор на этом месте пруд. Затем глыбу очистили от наслоений, откололи два куска, уменьшив ее вес на 600 т. На подготовительных работах было занято не менее 400 человек.

Далее камень уложили на решетку, для чего создали особые домкраты, прорубили в лесу просеку до побережья длиной 8 км и шириной 40 м. Зимой, когда почва замерзла, камень поволокли кабестанами (по-русски «воротами») по своего рода деревянным рельсам, с использованием бронзовых шаров как подшипников. В день удавалось проходить несколько десятков метров.

Одновременно строили транспортное судно, способное принять на борт цельный груз в 1800 т, и разрабатывали технологию перевозки по морю на расстояние примерно 13 км, а также погрузки и выгрузки скалы (баржу просто потопили, поставив на вбитые в дно Невы сваи). Каждый этап требовал создания новой техники.

За передвижением Гром-камня наблюдал весь Петербург, включая Екатерину II, а затем и Европа. Работу выполняли вольнонаемные рабочие, солдат использовали, лишь когда требовалось сразу много рук. История сохранила имена «галерного мастера» Григория Корчебникова, главы плотницкой артели Антона Шляпкина и Семена Вишнякова, который занимался не только добычей камня, но работами по дереву. В честь этого подвига технологий, логистики и экономики Екатерина велела выбить медаль «Дерзновению подобно».

Самсон Суханов и Казанский собор

История транспортировки Гром-камня была лишь прологом к расцвету каменотесного предпринимательства, благо в окрестностях Петербурга добывалось немало превосходного финского гранита. Многие знают имена архитекторов Воронихина и Монферрана, но кто воплощал их замыслы в жизнь? Крупнейшим подрядчиком в области каменных работ стал купец Самсон Суханов.

Он родился около 1768 года в глухой вологодской деревне. Самсон рано ушел из семьи, нанялся в матросы, плавал сперва по Волге и Двине, а затем

ходил с поморами на Шпицберген бить морского зверя. Ему было за тридцать, когда он с обозом пришел в Питер, чтобы устроиться к своему шурина, подрядчику на возведении Михайловского замка. Самсон начинал как каменотес за 15 рублей в месяц, но проявил смекалку и усердие и был повышен до приказчика уже с 25 рублями. Суханов был предприимчив. Так, он брал у шурина субподряды на установку балюстрады. Тому платили по пять рублей за столбик, а Самсон делал за два. На этом он заработал первые 120 рублей (для сравнения: год плавания в северных морях принес ему 136 рублей). Даже отправляясь домой на побывку, он закупал лук, который выгодно продавал в своем краю.

Когда сухановский шурина получил заказ на поставку и установку колонн для Казанского собора, Суханов был у него уже главным управляющим с окладом 50 рублей. Вскоре тот отошел от дел, и Самсон стал главой каменотесной артели и владельцем предприятия, записавшись в купцы II гильдии. За короткое время он практически монополизировал в Санкт-Петербурге работы по граниту и пудожскому камню (вид известкового туфа). План Казанского собора представлял собой серьезный вызов самому опытному строителю. Достаточно упомянуть грандиозную колоннаду из 96 колонн, каждая высотой 13 м, выходящую на Невский, и 56 отполированных колонн внутри храма. Да и облицовка пудожским камнем стен высотой свыше 70 м — также задача не из легких.

Все это легло на плечи Самсона. Только в гранитной каменоломне у него трудились 350 человек. Чтобы не повредить материал, работали без применения пороха, ювелирно точно вырубая заготовки с помощью клиньев, а затем на баржах транспортировали их в Петербург, где шлифовали в мастерской. Одна колонна обходилась в 3000 рублей. Бюджет строительства Казанского собора составил 4,7 млн рублей. Большая часть ушла на работы, производившиеся артелью Суханова, удостоенного золотой медали «За усердие».

Гранит Исаакия

Вторым его крупнейшим проектом стало участие в строительстве Исаакиевского собора, для которого Суханов поставил 112 гранитных колонн, каждая весом 115 т. Не преувеличивая можно сказать, что Самсон Суханов одел в гранит и камень Северную Пальмиру. Стрелка Васильевского острова с Ростральными колоннами, Биржа, Адмиралтейство, Горный корпус — он брался за все. За 40 000 рублей он оборудовал фундамент, столбы и опоры для Александровской мануфактуры. Все заказы Суханов получал на тендерах. В своем обращении к императору Николаю I он писал: «Сохраняя всегда заботу о пользе казны... через понижение цен при подрядах, доставил оной прибыли до полумиллиона рублей». Издатель Павел Свиньин отмечал: «Суханов довел способ ломания гранита до чрезвычайной простоты и легкости. Вероятно, петербургские жители не преминут воспользоваться сим важным открытием, и столица наша превратится вскорости в новые Фивы, позднее потомство будет спорить, люди или исполины создали град сей».

Суханов работал и для частных лиц. Так, заказ на Исаакиевский собор он получил от Монферрана только после того, как тот убедился в его способностях при строительстве дома Лобанова-Ростовского. Он высек также множество скульптур, и бюст Юпитера-Аммона в Строгановском дворце славился на весь Петербург.

Закат карьеры Суханова

Дело Суханова процветало, он построил себе трехэтажный дом на набережной Пряжки, его портрет писал Тропинин, но к старости он впал в нищету. Сгубили его изменения в архитектуре (классицизм с его колоннами выходил из моды) и... слишком уж низкая норма прибыли. Много лет Самсон отдал работе над «Царь-ванной» — купальней в Баболовском дворце весом 48 т, высеченной из единого куска гранита. Это был самый большой цельнокаменный сосуд в мире — на 800 ведер воды. Но Суханов запросил от казны за работу 16 000 рублей, а она обошлась на 7000 дороже. В отсутствие других заказов эта разница стала роковой, и ему пришлось писать прошения

государю о вспомоществовании, переписавшись из купца II гильдии с обязательным минимальным капиталом 20 000 рублей в мещане.

Последним проектом, где Суханову довелось консультировать, стала работа на 3 млн рублей — постройка Александрийского столпа, как называл его Пушкин. Но здесь как подрядчик его сменил купец Василий Яковлев, перекупивший в том числе гранитные карьеры Самсона. Он вырубил и доставил в Питер 400-тонный блок под основание монумента и 600-тонную колонну длиной 25 м. По условиям контракта в случае ее повреждения при транспортировке он обязан был поставить новую за свой счет. Также за свои деньги Яковлев построил причал для ее погрузки.

Для подъема колонны были сооружены леса высотой 50 м и установлено более 60 кабестанов. В качестве основания фундамента было вбито 1250 просмоленных свай (под Исаакиевский собор — почти 10 800). Эти цифры дают представление об одном только гигантском объеме плотницкой работы — сколько нужно было заготовить и обработать древесины.

Последний проект империи

Последнее свершение империи в строительстве до сих пор остается малоизвестным. После вступления Турции в мировую войну в октябре 1914 года Россия оказалась в куда более серьезной блокаде, чем Германия. Она лишилась своих основных портов — балтийских и черноморских. Для связи с внешним миром остались лишь Владивосток в 8000 верстах от столиц и Архангельск, который шесть месяцев в году был закрыт льдами и соединялся с системой железных дорог 800-километровой узкоколейкой. Российский экспорт упал на 98%, импорт — на 95%. Помимо грозящего коллапса экономики это означало невозможность получения от западных союзников и США оружия, боеприпасов и снаряжения.

Выход был один — строительство нового незамерзающего порта на Кольском полуострове. В декабре 1914 года было создано Управление по строительству Мурманской железной дороги, а 1 января 1915-го император

Николай II утвердил ассигнование средств на ее строительство. Задача была поставлена наисложнейшая. Предстояло построить более 1000 км железнодорожных путей от Петрозаводска до Мурманского залива через тайгу и тундру, преодолев тысячу рек, то на болотистом грунте, то прорубаясь сквозь скалы и валуны, по вечной мерзлоте, а последние 300 км — за полярным кругом.

Территория строительства представляла собой необжитую пустыню. Вдоль трассы отсутствовали порты и надежные пути подвоза, а только в первые месяцы 1915 года требовалось завезти свыше 60 000 т грузов. На строительстве было задействовано до 170 000 человек, которым требовалось питание, жилье и т. д. Одновременно предстояло построить Мурманский порт.

С учетом тогдашнего уровня развития техники и участия России в войне задача по сложности не уступала строительству БАМа, продолжавшемуся 10 лет. А Мурманская железная дорога была проложена за 18 месяцев. Секретом успеха стал грамотный менеджмент, сумевший организовать управление трудовыми ресурсами, финансами, технологиями и логистикой. Человеком, в карьере которого строительство Мурманки было звездным часом, катапультировавшим его в кресло председателя совета министров Российской империи, стал Александр Федорович Трепов.

Александр Трепов: из строителей в министры

Трепов родился в 1862 году в семье сановника, знаменитого тем, что в него стреляла Вера Засулич. Карьера самого Александра развивалась неспешно — бюрократическая служба в Петербурге, получение очередных званий, назначение в Сенат в 1906-м и в Госсовет в 1914-м. Все изменилось, когда в октябре 1915-го он был назначен министром путей сообщения с главнейшей задачей — ускорить постройку дороги на Мурман. Близкий к царю протопресвитер Георгий Шавельский писал: «...Его назначение удивило и Ставку, и общество. Кроме того, что Трепов, подобно каждому другому гражданину, иногда ездил по железной дороге, он к государственным путям сообщения не имел никакого другого отношения. И, однако, став министром

путей сообщения, он скоро заставил заговорить о себе, буквально поражал... быстротой своего ума, чрезвычайно глубоким и тонким пониманием дела, которое раньше ему не было известно».

Трепов отвечал за использование 180 млн рублей (5% бюджета страны), выделенных на строительство дороги. Новаторские технические решения и облегченные нормы проектирования позволили значительно сократить объем работ. Например, использовались временные деревянные мосты из круглого леса упрощенной конструкции (по пути насчитывалось около 1000 водных препятствий — по одному на каждый километр), что требовало минимальных затрат труда на обделку материала; предельный уклон пути увеличивался вдвое и составлял 15°, а минимальный радиус кривых был уменьшен с 640 м до 225 м, что позволило сократить объем земляных работ на 40%. Строительство шло сразу по всему пути, и это тоже было нестандартным решением.

Вольнонаемный труд обеспечивал высокое качество работ. На стройку завербовали около 100 000 человек из Центральной России, 10 000 китайцев, несколько тысяч казахов из Семиречья и финнов. Также использовался труд 40 000 пленных. По контракту рабочий день ограничивался 10 часами. Чернорабочие и лесорубы получали в месяц 35 рублей, землекопы — до 45 рублей, а плотники — 45–56 рублей, что сильно превышало обычные расценки. К осени 1916-го из-за роста цен зарплата была повышена на 37–40%. Было открыто 14 лечебных пунктов, в каждом по одному врачу и 2–3 фельдшера. Это был разительный контраст с последовавшей вскоре советской практикой освоения севера, основанной на кнуте, а не прянике.

Трепов неоднократно посещал стройку. Он шефствовал над возведением Мурманского порта, предложив императору преобразовать поселок строителей в город Романов-на-Мурмане. Получив высочайшее одобрение, он утвердил план заполярного города с электричеством, канализацией, водопроводом. Четвертого октября 1916 года Трепов принял участие в торжественной закладке храма Святителя Николая, этот день считается датой основания города. А 3 ноября 1916-го открылось сквозное движение по Мурманской железной дороге.

Впечатленный менеджерскими способностями Трепова, Николай II назначил его премьер-министром. Это было воспринято с энтузиазмом. Французский посол Морис Палеолог отмечал: «Трепов честен, умен, трудолюбив, энергичен и патриот». А депутат Государственной думы Никанор Савич считал: «Он был умным администратором, толковым чиновником, сильным волею и работоспособностью». Но Трепов, вступив в схватку с придворной камарильей — Распутиным и Протопоповым, через полтора месяца был отправлен в отставку.